

4) приводятся иллюстрации применения термина, показывается его использование в лингвокультурологическом исследовании конкретного языкового материала;

5) указываются отсылки на термины, описание которых содержит дополнительную информацию о заглавном термине.

Заключение. Таким образом, главный новаторский принцип словаря лингвокультурологических терминов заключается в создании системного описания терминов лингвокультурологии. В ядерной зоне указан сам термин, дальнейшее описание которого мы находим в зоне дефиниции. В зоне комментария эксплицируется осмысление термина в научном дискурсе. Демонстрация «работы» термина с эмпирическим материалом представлена в зоне иллюстрации. Представление о понятийных связях термина приводится в отсылочной зоне.

1. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / отв. ред. М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис. – 2017. – 192 с.

ОБ ОДНОМ ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

И.П. Зайцева

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Сопоставление широкого круга мифов (с непременным учётом диахронической составляющей, которое достаточно активно проводится исследователями уже в течение длительного времени – позволило установить, что в мифологиях различных народов мира – при чрезвычайном их многообразии – целый ряд основных тем и мотивов повторяется. В то же время мифическое пространство каждой из мифологий всегда демонстрирует по ряду параметров некую специфику, а иногда и уникальность, предопределённые в первую очередь национально-культурными особенностями контекста. Это обуславливает актуальность подобных исследований в принципе, и в частности – наблюдений, проводимых в русле сформировавшегося на новейшем этапе развития языкознания лингвокультурологического подхода.

Цель настоящей публикации – акцентировать внимание на одном весьма своеобразном, на наш взгляд, элементе картины мира восточных славян, проследив за трансформацией накопленной прецедентными для этой культуры образами информации при введении их в современные словесно-художественные произведения, которые презентуют лирические жанры.

Материал и методы. Исследование выполнено на материале современной русской поэзии с привлечением материала из справочных (лексикографических и энциклопедических) источников (описание закрепившихся в языке и культуре значений анализируемых образов). Были использованы общенаучные методы наблюдения, описания и обобщения, а также ряд специальных методик: семантического анализа, контекстуального анализа и лингвокультурологической интерпретации.

Результаты и их обсуждение. К основным феноменам, репрезентирующим мифическое пространство каждой из национальных культур, в первую очередь принадлежат многообразные мифические **персонажи и артефакты** – «предметы из вторичного, как правило сказочного мира, которые являются национально маркированными и значимыми для данной культуры (например *живая и мёртвая вода* или *молодильные яблоки*» [1, 10–11].

Представляется, что в системе персонажей восточнославянской мифологии особое положение занимает одна из групп **персонажей-животных**, или группа **зооморфных образов**, – **образы волшебных птиц**, с которыми связано немало знаковых жизненных ситуаций, обрядов, заклинаний и иных проявлений национально-специфичного мировосприятия, находящихся безусловное отражение и в языке, точнее – в лингвокультуре, любой нации. В данном случае мы остановимся на осмыслении русскими лириками XIX–XXI-го веков **лингвокультурного и образно-эстетического** потенциала, присущего имени одной из волшебных птиц – **Гамаюн**, которое, по нашему мнению, с полным правом может быть отнесено к **прецедентным** для восточнославянской лингвокультуры **именам**.

Дошедшие до нас из глубины времени образы птиц, наделённые народным сознанием мистическими качествами, настолько разнообразны (это, среди прочего, объясняется огромны-

ми территориями, заселяемыми славянскими народами в древности), что при рассмотрении их целесообразно разделить как минимум на три группы.

Первую из этих групп образуют особые мифические существа: *полу-птицы – полу-люди*, обладающие даром пророчества и способностями приносить людям беду или счастье, горе или удачу; это волшебные птицы **Гамаюн**, **Алконост**, **Сирин**, **Стратим** и **Феникс**.

Во многих ситуациях, отражающих те или иные сегменты мифического пространства восточных славян эти образы функционируют не только автономно, но и взаимодействуя в различных сочетаниях, символизируя при этом определённые стороны (аспекты) зафиксированных в мифах явлений или процессов, – как, например, имена-антиподы **Сирин** и **Алконост**, традиционно трактуемые как *птица радости* (Сирин) и *птица печали* (Алконост). Принимая во внимание частотность подобных ситуаций, мы в данном случае всё же сосредоточимся на рассмотрении функционально-семантической нагруженности отдельного имени – **Гамаюн**, выявляя в процессе наблюдения специфику осмысления его лингвокультурного потенциала русскими поэтами-лириками.

Интересующее нас имя интерпретируется в специальных лексикографических источниках (словарях символов и под.) довольно неоднозначно, хотя в этих толкованиях, безусловно, обнаруживаются и сходные черты, – ср., в частности: «**Гамаюн** – сказочная райская птица, упоминаемая в апокрифах и духовных стихах как «птица вещая», как сирин и каган. ... Если кричит птица-гамаюн – счастье пророчит» [2, 45];

«**Гамаюн**, редкая мифическая птица с женской головой, обладающая завораживающим пением. Её пророчества доступны избранным людям, а само появление способно вызывать смертоносные стихии» [3, 73].

Безусловно, столь богатый, к тому же неоднозначно толкуемый семантико-культурный потенциал имени мифического существа, не мог не привлечь внимания художников слова, в первую очередь – авторов поэтических произведений.

Одним из наиболее эстетически значимых поэтических опытов осмысления образа волшебной птицы **Гамаюн**, безусловно, является написанное в 1899 году знаменитое стихотворение **А. А. Блока** «Гамаюн, птица вещая», представляющее собой словесно-художественный отклик на картину В. Васнецова, на которой изображён этот мифический персонаж.

Во второй половине двадцатого столетия к образам волшебных птиц, среди прочих поэтов, обращается **В. С. Высоцкий** – в его стихотворении «Купола» функционирует *система* имён «вещих птиц», в число которых входит и **Гамаюн**: **Сирин – Алконост – Гамаюн: Птица Сирин мне радостно скалится – / Веселит, зазывает из гнёзд, / А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост. / Словно семь заветных струн / Зазвенели в свой черед – / Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!**

Философское стихотворение В. С. Высоцкого явно ориентировано на осмысление автором фольклорных образов (*птицы вещие поют – да всё из сказок*); собственно текст в целом опирается на символику, традиционно закрепившуюся за именами мистических птиц: **Сирин** – ‘птица радости’ (хотя в данном случае эта символика несколько разрушается сочетанием с разговорно-сниженным глаголом *скалится*: *птица Сирин мне радостно скалится*); **Алконост** – ‘птица печали’ (*А напротив – тоскует-печалится, / Травит душу чудной Алконост*); **Гамаюн** же – в осмыслении В. Высоцкого предстаёт как ‘птица надежды’: *Это птица Гамаюн / Надежду подаёт!; То мне птица Гамаюн / Надежду подаёт!* – то есть в лирической структуре актуализируется исключительно *позитивный* компонент присущей этому прецедентному имени символики, чему способствует и введение её в риторические фигуры (строфическую *анафору* и два *восклицания*).

Размещённые в сети Интернет лирические произведения свидетельствуют об определённом «всплеске» интереса к образу птицы **Гамаюн** – он нередко фигурирует в лирических произведениях современных поэтов – ср., в частности, приводимый далее фрагмент:

Юлия Валентайн

Во Ирийском саду души предков живут,
Там волшебные птицы беседы ведут:
Меж собою толкуют значения рун
Алконост, Сирин, Феникс, да свет – **Гамаюн**.
Входа нет в Ирий-сад не покинувшим Явь,
Ну, а птиц иногда отпускает к нам Правь...

Заключение. Проведённый анализ свидетельствует, что обращение авторов – наших современников к анализируемому образу – мифической птицы **Гамаюн** – отличается определёнными особенностями. Основной функцией прецедентного для восточнославянской лингвокультуры имени **Гамаюн** словесно-художественного произведения современного периода является участие в создании **стилизации**.

Именно этой ключевой, имеющей **комплексный** характер функции, подчинена и вся иная нагруженность имени **Гамаюн** в лирических произведениях начала XXI-го столетия – например, включённость его в разнообразные **тропы и фигуры**, а также создание с помощью означенной номинации своего рода композиционного каркаса лирической структуры, где имя волшебной птицы становится одним из средств его обрамления, задавая тем самым направление развития лирического сюжета.

1. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый / И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
2. Персонажи славянской мифологии / сост.: А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – К.: Фирма «Корсар», 1993. – 224 с.
3. Шуклин, В. В. Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург: Уральское изд-во, 2001. – 384 с.

УРОКИ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

*В.В. Здольников
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Историю, неважно чего – государства, науки, литературы, не надо переписывать; её следует изучать, чтобы знать и делать практические выводы из прежнего опыта на очередных её крутых виражах. Этой аксиомой и мотивировано наше обращение к событиям в русской общественной мысли и литературной жизни более чем полутора столетней давности. К сожалению, она не всегда «работает» в теории и на практике, особенно в области гуманитарной и социальной. Чему бурный XX век явил нам массу примеров, и что подтверждает актуальность нашего исследования.

Цель исследования – проследить факт эволюции в ходе её общественно-политических взглядов одного из оппонентов.

Материал и методы. Материал – незавершённая дискуссия (по причине раннего ухода из жизни одного из её активных участников) между журналами «Современник» и «Москвитянин» в 1847–1848 годах. Эмпирический материал – три статьи В.Белинского (в газете «Молва» и в журнале «Современник») и три статьи в «Москвитянине» (две написаны К.Аксаковым, одна – Ю. Самариным). Метод анализа – сравнительно-текстуальный.

Результаты и их обсуждение. Вопреки устоявшемуся мнению о «николаевской реакции», о свирепстве цензуры, наступивших в России после 1825 года, заметим, что именно в сороковые годы литературная жизнь страны отмечена событием, доселе невиданным – открытой публичной дискуссией между литературными журналами «Отечественные Записки» и «Москвитянин», главными фигурантами которой стали критики К.Аксаков и В.Белинский. Делает её исторически знаковой то обстоятельство, что, начавшись с сугубо эстетического спора о жанре «Мёртвых душ» Н.Гоголя, она быстро «перетекла» в область общественно-политической мысли. И вошла в историю как спор славянофилов сперва с «западниками», а позже – с революционными демократами. А конкретнее – их разных аксиологических ориентиров в этом споре.

Историки, социологи и филологи эту первую публичную дискуссию в России исследовали тщательно, каждый в своих профессиональных аспектах. Для историков общественной мысли и социологов её итогом стала победа сначала «западников», а позже революционных демократов над консерваторами-славянофилами. Для филологов это – победа критиков натуральной школы в тогдашней литературе над коллегами из формалистской и эстетической. Причём героем этих побед предстаёт В.Белинский с соответствующими определениями: «давний и непримиримый противник славянофильства», «подлинный революционер-демократ» [т. 3, с. 896, 897]. В них впервые усомнился выдающийся русский критик и литературовед XX века В. Кожин, отмечая противоречивость его оценок «Мёртвых душ» в ходе той полемики. «Белинский по прочтении «Мёртвых душ» написал: «Нельзя ошибочнее смотреть на «Мёртвые души» и грубее их понимать, как видя в них сатиру». Но потом, не желая согласиться со статьёй сла-